

Посвящается Мари,
чьи драконы – до сих пор
в моем рюкзаке

1

Мама проводит пальцем по моей щеке, перед тем как надавить на кнопку дверного звонка. Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, но не позволяю себе расплакаться. У мамы сейчас и так хватает поводов для переживаний.

— Это совсем ненадолго, Джексон. Я вернусь — ты и глазом моргнуть не успеешь.

Я киваю и смотрю на глазок в двери. Если опустить взгляд себе под ноги, слезы точно покатаются, и из носа потечет, и мама поймет, как я не хочу, чтобы она меня тут оставляла.

Мама прикусывает губу и нервно постукивает пальцем по двери. Снова жмет на кнопку звонка и долго не отпускает. Мы оба слышим, как в квартире кто-то возится и ругается. Мама нервно усмехается и говорит:

— Иногда Ма сквернословит, точно матрос, но она — старушка безвредная. И еще занятная. Тебе она понравится, Джекс.

Я и не знал, что у меня есть бабушка в Бруклине. Раньше мама никогда о ней не упоминала. Иногда мама скрывает от меня что-то — то есть я не мешаю ей верить, что она успешно скрывает. Она думает, я не знаю, что квартирный хозяин пытается от нас избавиться. Скрывает уведомления о выселении, которые он прищипливает нам на дверь. Но я все равно в курсе, что происходит. Сегодня маме надо идти в суд. И я хотел бы пойти с ней, но она хочет, чтобы я побыл здесь.

К двери шаркает чье-то тяжелое тело. Мы с мамой терпеливо ждем, пока подошедший отперет не меньше трех замков. Цепочка остается на двери, так что та приоткрывается лишь чуть-чуть. И я чувствую себя не в своей тарелке, когда скрипучий голос осведомляется:

— Чего вам надо?

Мама мило улыбается и кладет ладонь на дверь. Она говорит медленно и вежливо:

— Это всего лишь мы, Ма. Я звонила утром и предупредила, что мы едем. Помнишь?

Женщина за дверью рывкает:

— Конечно помню. Ты позвонила и спросила, можешь ли оставить мальчишку со мной, и я сказала — НЕТ!

Милая улыбка не сходит с маминого лица. Наоборот, словно затвердевает на нем. Мама пытается надавить на дверь, но цепочка никуда не делась, и непохоже, чтобы моя таинственная бабушка собиралась ее снять.

Мама кладет вторую руку на дверной косяк и прижимается к щели так, чтобы женщина с другой стороны видела и слышала, в каком она отчаянии:

— Всего на несколько часов. Прошу, Ма. Больше у него никого нет.

Я отступаю на шаг и думаю, правда ли это. Уверен, что Викрам разрешил бы мне посидеть у него. Его родителям я нравлюсь, и они не против, чтобы я приходил в гости. Миссис Пател говорит, что я оказываю на ее сына хорошее влияние. Те взрослые, которые меня знают, всегда так про меня говорят. Но эта злобная старушенция не собирается даже дверь открыть, чтобы дать мне шанс. Что ж, не хочет меня впускать — тем лучше для меня.

Но не для мамы. Она шепчет что-то женщине за дверью, но теперь мамина улыбка исчезла, а на щеках сверкают слезы. Я хочу взять ее за руку, но вместо этого опять шагаю назад и отчаянно вцепляюсь в лямки рюкзака. Мама снова и снова повторяет одно слово: пожалуйста.

Я никогда не видел, чтобы моя мать кого-то о чем-то умоляла. Но даже это не срабатывает: дверь в итоге закрывается. Мама утыкается в нее лбом, потом утирает глаза, поворачивается ко мне и устало говорит:

— Идем, Джекс.

Я вздыхаю и беру маму за руку. Едва мы ступаем на лестницу, как я слышу звук отодвигаемой цепочки, и дверь снова открывается:

— Один день. Дай мне слово, Алисия. *Один день.*

Мама говорит:

— Обещаю, Ма.

А потом тянет меня обратно, к квартире бабушки. Дверь открыта, но свет внутри выключен, так что я не вижу, кто там. Мама быстро обнимает меня и проталкивает в дверь. Я не успеваю спросить, когда она вернется, а она уже летит вниз по ступенькам и исчезает.

2

Я делаю шаг в темную квартиру.

— Закрой дверь, парень, — рычит моя бабушка.

Я гляжу на три замка и решаю защелкнуть только тот, что ближе всего к дверной ручке, — на случай, если мне понадобится быстро убежать. Потом я даю глазам привыкнуть к полутени и начинаю искать бабушку. Квартира, хоть и пахнет плесенью, на вид аккуратная. В гостиной — два больших окна с тяжелыми занавесками, не дающими весеннему солнцу пробраться внутрь. Я снимаю рюкзак и кладу рядом с дверью, сообразив, что, если здесь все пойдет плохо, я всегда могу удрать и надеяться, что Патели меня приютят.

Комната, в которой я стою, должно быть, столовая. Направо от меня отходит короткий

коридор, и, кажется, бабушкин голос раздавался оттуда.

В коридор просачивается свет, и мгновение спустя я слышу звяканье кастрюль и сковородок. Видимо, бабушка собирается что-то готовить, так что я подхожу к кухне и останавливаюсь в дверях.

На бабушке лиловый плюшевый халат, чей цвет соперничает с оранжево-зелеными кухонными обоями. Халат явно старый, потому что ткань на локтях и попе протерлась. Могу предположить, что бабушка много сидит, хотя телевизора в гостиной я не видел. Сейчас же она стоит у мойки, уставившись в шкафчик, внутри которого негусто.

— Есть хочешь? — неприветливо спрашивает она.

— Нет, мэм, — отвечаю я.

— Мальчики всегда хотят есть, — бормочет бабушка, перед тем как снять с полки банку арахисовой пасты.

Я смотрю, как она вытаскивает из сушилки нож, а с холодильника достает хлеб. Похоже, хочу я того или нет, а бутерброд мне сделают. Седые бабушкины волосы топорщатся злым об-

лаком, пока она намазывает пасту на хлеб, не прекращая бубнить что-то себе под нос. Я почти уверен, что речь *обо мне*, но голос недостаточно громкий, так что она явно говорит не *со мной*.

Я тарашусь на протертый участок на заду бабушкиного халата, гадая, какое же у нее лицо. Она до сих пор на меня не взглянула, так что, наверное, ее не интересует, какое лицо у меня. Любопытно, похожи ли мы. Мне вечно говорят, что я — копия мамы. У нас одинаковые темные глаза, длинные ресницы и немного завивающиеся брови, которые наползают на лицо, точно гусеницы-близняшки.

На кухонном столе стоит коробка, и вид у нее такой, словно она только что пришла по почте. Размером примерно с половину коробки для обуви и с кучей разноцветных штампов, которые окружают поле с бабушкиным адресом. Только там не указано имя — и обратный адрес, насколько я вижу, тоже.

Я подхожу к столу, чтобы взглянуть поближе. Присаживаюсь на стул и изучаю штампы. По большей части на них птицы и бабочки, а на других — динозавры и лемуры.

— Откуда прислали эту коробку? — спрашиваю я.

Бабушка ворчит:

— Очень, очень издалека. — Она делает паузу, бросает на меня взгляд через плечо и добавляет: — У меня есть старый друг на Мадагаскаре. Ты знаешь, где это?

Я не смотрю на нее, но чувствую на себе взгляд. Что-то подсказывает мне, что это проверка. К счастью, я знаю правильный ответ:

— Остров у побережья Африки.

Бабушка кладет нож и — впервые — обращается, чтобы взглянуть на меня. Уж не знаю, что видит она, но я, глядя ей в лицо, вижу обычную пожилую женщину, вовсе не похожую ни на меня, ни на мою маму. Глаза у нее мутного сине-черного цвета, а бровей и вовсе нет.

Она морщится и спрашивает:

— Парень, что ты знаешь об Африке?

Не понимаю, какого ответа от меня ждут. Но в географии я силен.

Перебираю в голове все известные мне факты и сообщаю:

— Африка — это континент. На нем больше стран, чем штатов в США. Мадагаскар на-

ходится в южной Африке, у восточного побережья Мозамбика.

Бабушка скрещивает руки на груди, и ее локти едва не прорывают плюш халата.

— Так-так-так, — тянет она, судя по тону, впечатленная.

Я утыкаюсь взглядом в коробку, чтобы бабушка не видела, насколько мне не по себе. Люди обычно не ждут, что ребенок моего возраста знает хоть что-то хоть о чем-то. Я привык, но все равно это иногда очень мешает жить.

Бабушка снова поворачивается к столу и заканчивает с бутербродом.

— Это мама рассказала тебе про Африку?

Я трясую головой, только потом сообразив, что она этого не видит, и говорю уже словами:

— Нет, мэм. Я сам это изучил. — Потом я добавляю: — На Мадагаскаре обитает множество редких видов животных.

— Это уж точно! — с коротким смешком отзывается бабушка.

Впервые за день я начинаю расслабляться. Может, в конце концов, у нас все же есть что-то общее. Я протягиваю руку, чтобы повернуть

коробку и рассмотреть штампы на другой стороне. И тут, к моему изумлению, коробка подпрыгивает!

У меня отпадает челюсть, но я стараюсь спрятать удивление, когда бабушка снова поворачивается ко мне с бутербродом. Она ставит передо мной тарелку, а сама опускается на стул.

— Ешь, — говорит бабушка и подталкивает тарелку еще ближе ко мне.

Я не то чтобы голоден, но прихожу к выводу, что стоит просто послушаться. Беру половинку бутерброда с тарелки, не сводя взгляда с коробки. Слой арахисовой пасты толстый, и мне требуется немало времени, чтобы проглотить хоть кусочек. Бросаю взгляд на бабушку и по глазам вижу, что она потешается надо мной.

— Тебе нужно пива — запить, — говорит она. — Возьми-ка бутылочку из холодильника.

Пива? Мне же девять лет! Я решаю, что просто погляжу, что еще есть в холодильнике, и налью себе стакан молока. Отодвигаю стул, делаю три шага на другой конец кухни. Приходится с силой потянуть за дверцу, и единственное, что я обнаруживаю внутри, — это вяну-